

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH214571-584>

Исследовательская статья

Сефербеков Руслан Ибрагимович
д.и.н., главный научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
ruslan.seferbekov@yandex.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ОБРЯДЫ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА РУССКИХ КИЗЛЯРЩИНЫ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

Аннотация. В статье на основе общенаучных и специальных исторических и этнологических методов, а также собранного в селениях Кизлярского и Тарумовского районов Дагестана полевого этнографического материала, исследуются традиционные и современные обряды жизненного цикла у русских Кизлярщины. Большое влияние на них оказали глобализация и социокультурные процессы второй половины 80-х гг. XX в. – первой четверти XXI в. Некоторые из этих процессов негативно отразились на хозяйственных занятиях и семейном быте русских Дагестана и привели к падению их жизненного уровня. Стабилизация экономической жизни в 2000-е гг. благотворно отразилась на хозяйстве и семейном быте дагестанских русских. Она, в частности, привела к широкому распространению свадебной индустрии, что отразилось на сокращении сроков и этапов свадебного обряда, утере некоторых его традиционных элементов. Большое влияние на обряды жизненного цикла оказала христианская религия, которая ощущается во всех его элементах. Влияние глобализации ощущается в способах знакомства части юношей и девушек через гаджеты в социальных сетях, организации фотосессии по пути следования свадебного кортежа к месту свадьбы, популярности сказочного персонажа Зубная фея в связанных с выпадением первого молочного зуба обрядах. Несмотря на влияние глобализации, в семейно-бытовых обрядах русских Кизлярщины сохранились традиционные славянские ритуалы, которые проявляются в этапах и содержании свадебного обряда, составе его участников; в мерах, направленных на сохранение жизни и здоровья матери и её ребёнка; в остатках значительного пласта связанных с онейромантией и культом предков верованиях и обычаях. Изучение обрядов жизненного цикла сельского русского населения Дагестана показало, что они сумели сберечь значительный пласт своей традиционной культуры, что представляется важным в сохранении их этнической, национальной, культурной и религиозной идентичности в эпоху глобализации.

Ключевые слова: русские Дагестана; Кизлярщина; обряды жизненного цикла; социокультурные процессы; глобализация

Для цитирования: Сефербеков Р.И. Современные обряды жизненного цикла русских Кизлярщины: традиции и инновации // История, археология и этнография Кавказа. 2025. Т. 21. № 4. С. 571-584. doi.org/10.32653/CH214571-584

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH214571-584>

Research paper

Ruslan I. Seferbekov
Dr. Sci., Principal Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of the RAS, Makhachkala, Russia
ruslan-seferbekov@yandex.ru

MODERN LIFE-CYCLE RITUALS OF THE RUSSIANS OF THE KIZLYAR REGION: TRADITION AND INNOVATION

Abstract. The article explores the traditional and contemporary life-cycle rites of ethnic Russians in the Kizlyar region of Dagestan. It employs general scientific and specialized historical and ethnological methods, supplemented by ethnographic fieldwork conducted in villages across the Kizlyar and Tarumovsky districts. These rites were significantly reshaped by globalization and the sociocultural shifts that occurred between the second half of the 1980s and the first quarter of the 21st century. Initially, some of these processes detrimentally affected the economic activities and family life of ethnic Russians in Dagestan, resulting in a decline in their overall standard of living. However, the subsequent economic stabilization of the 2000s positively impacted both their economic and family spheres. This stabilization particularly fostered the widespread expansion of the wedding industry, which, in turn, led to a shortening of the duration and stages of the wedding ceremony and the loss of some traditional elements. Furthermore, Christianity has exerted a profound influence on these life-cycle rites, an influence evident across all their constituent elements. The influence of globalization is evident in several contemporary practices, such as the use of digital devices and social media for young men and women to meet, the increasingly common organization of professional photo sessions during the wedding procession, and the growing popularity of the “Tooth Fairy” ritual associated with the loss of a child’s first tooth. Despite these global influences, traditional Slavic rituals remain integral to the family and everyday life-cycle rites of Russians in the Kizlyar region. These traditions are evident in the structured stages and specific content of the wedding ceremony, the composition of its participants, and in measures dedicated to preserving the life and health of both mother and child. Furthermore, a significant layer of beliefs and customs, including remnants of oneiromancy (divination by dreams) and ancestor worship, persists. A study of the life-cycle rituals among Dagestan’s rural Russian population thus reveals the successful preservation of a substantial portion of their traditional culture. This enduring heritage plays a crucial role in maintaining their ethnic, national, cultural, and religious identity in the face of widespread globalization.

Keywords: Dagestan Russians; Kizlyar region; life-cycle rituals; sociocultural processes; globalization

For citation: Seferbekov R.I. Modern life-cycle rituals of the Russians of the Kizlyar region: tradition and innovation. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2025. Vol. 21. N. 4. P. 571-584. doi.org/10.32653/CH214571-584

Введение

Обряды жизненного цикла – это комплекс обрядов и обычаев, связанных с рождением, свадьбой и смертью человека. В. Тэрнер называл их обрядами «жизненных переломов», так как они связаны с «переломными» событиями, переворачивающими привычный порядок существования индивидуума [1, с. 233], С.А. Мадюкова относил их к «переходным обрядам» [2, с. 117], а Мирча Элиадэ приравнивал «с посвящением в новое социокультурное пространство» [3, с. 115].

Цель данной статьи – описание традиционных и новых элементов в современной семейно-бытовой обрядности русских Кизлярщины¹. Задачей исследования является изучение влияния глобализации и социокультурных процессов второй половины 80-х гг. XX в. – начала XXI в., а также христианской религии и культуры местного равнинного и горского населения на трансформацию элементов семейно-бытовых обрядов, проживающих в этноконтактной зоне русских Кизлярщины. Хронологические рамки исследования охватывают в основном позднее советское время и новейший период, хотя имеются экскурсы и в дореволюционное время.

Традиционные семейно-бытовые обряды дагестанских русских были предметом изучения российских этнологов-кавказоведов – М.Ш. Ризахановой [4, с. 91–123], С.А. Лугуева и М.Х. Мансурова [5, с. 548–552]. Определенный вклад в исследование современной семейно-бытовой обрядности русского городского населения Дагестана внесли и мы [6, с. 232–252].

Следует отметить, что комплексное изучение с применением методов истории и этнологии современных обрядов жизненного цикла у русских Кизлярского и Тарумовского районов Дагестана в советское и новейшее время не проводилось. Наше небольшое исследование призвано устранить этот пробел, чем объясняется его научная новизна.

Основой статьи послужил собранный летом 2023 и 2024 г. в сс. Александрия, Аверьяновка, Кардонка, Красный Восток Кизлярского района и сс. Таловка, Калиновка, Коктюбей и Ново-Георгиевка Тарумовского района Дагестана и впервые вводимый в научный оборот полевой этнографический материал.

При написании статьи были применены общенаучные и специальные методы истории и этнологии: сравнительно-исторический метод позволил нам сравнить общее и особенное в традиционных и новых обрядах жизненного цикла русских Кизлярщины, выявить происшедшие в них изменения и динамику дальнейшего хода событий; историко-генетический – установить причинно-следственные связи трансформаций элементов семейного быта русских в ходе их исторического развития; историко-системный – изучить обряды жизненного цикла дагестанских русских прошлого и настоящего как целостной исторической системы во взаимосвязи с семейно-бытовыми обрядами русских основного этнического массива (генезис) и местного равнинного и горского населения (морфология); ретроспективный – погрузиться в прошлое славянской семейной обрядности с целью установления причин сохранности или забвения тех или иных обычаев и обрядов. Были применены и этнологические методы – полевые исследования, включенное как включенное, так и отстраненное наблюдение, кросс-культурный, пережитков, опроса и интервьюирования респондентов.

Материалы нашего исследования могут быть полезны практическим работникам министерств и ведомств Республики Дагестан при реализации республиканских и федеральных программ, связанных с развитием традиционной этнической культуры русских Дагестана, а также использованы при написании монографий и статей по новейшей истории и этнографии дагестанских русских.

¹ Кизлярщина включает в себя нынешние г. Кизляр, Кизлярский и Тарумовский районы Республики Дагестан. Расселение казачества в низовьях Терека произошло во второй половине XVI в. Наиболее интенсивное формирование русской национальной диаспоры в Дагестане относится ко второй половине XIX – началу XX в. и связывается с переселенческой политикой правительства России.

Свадебные обряды

Свадебная обрядность является одной из наиболее устойчивых компонентов семейного быта, отражающая сформировавшиеся в различные исторические эпохи традиции [7, с. 10]. Под свадебным обрядом подразумевается не одно обрядовое действие, а целый комплекс обычаев и обрядов, выполняемых семейно-родственными коллективами жениха и невесты при их вступлении в брак [8, с. 36].

Началом брачных отношений является знакомство юношей и девушек, которые при благоприятном исходе дают основание для создания семьи. В советское время они знакомились на танцах в клубе, влюблялись друг в друга во время учёбы в школе или вузе, на производственной практике.

В последние десятилетия молодёжь знакомится во время учёбы в вузе или по месту работы, а также через гаджеты в социальных сетях.

Русские юноши стараются жениться на девушках из своего села. Имеется даже поговорка на этот счёт: «В своём селе возьмёшь полу-дуру, в чужом селе – полную дуру» (с. Таловка). Такого рода поговорок имелись и у других дагестанских русских: «С лица жены воду не пить, умела бы пироги печь» [9, с. 198].

Собирающиеся вступить в брак юноши и девушки должны были обладать определенными предпочтительными качествами. Девушка должна быть красивой, скромной и трудолюбивой, уважительной к старшим. Юноша должен иметь жильё, высшее образование, профессию или работу, мог содержать семью.

В с. Аверьяновка юноши обычно женятся после 25 лет, а девушки выходят замуж в 21–23 года. В с. Коктубей юноши женятся в 20–24 года, а девушки выходят замуж в 19–21 год. В с. Красный Восход юноши женятся в 26–30 лет, а девушки – в 20–22 года.

И раньше, и теперь в сёлах Кизлярского и Тарумовского районов заключаются межнациональные браки.

При благоприятном исходе знакомства и одобрении кандидатур юноши и девушки на семейном совете стороны начинают готовиться к сватовству и свадьбе.

Традиционный ритуал русской свадьбы в Дагестане складывался из следующих элементов: сговор, сватовство, смотрины, рукобיתье, неделя, баня, утренние обряды венчального дня, встреча поезда, венчание, послевенечные обряды в доме жениха, обрядовые действия второго дня [4, с. 91–104]. Некоторые его элементы были утрачены в советское и новейшее время.

Предсвадебные обряды русских Кизлярщины начинались со сватовства. Когда на семейном совете была одобрена кандидатура избранной девушки, близкие родственники юноши начинают готовиться к сватовству.

В доме родителей девушки сватов принимают и угощают. Сваты заявляют о цели своего визита. Отец и мать девушки спрашивают о её желании выйти замуж за сватающегося юношу. Если она согласна, то сваты и родители девушки договариваются о сроках свадьбы.

В с. Александрия юноша со своими отцом и матерью, а также с крёстными, прихватив с собой *каравай* на вышитом рушнике, вино и сладости отправляются в дом родителей девушки. Войдя в дом, они заявляют родителям девушки: «У вас роза расцвела, ищем тёлочку, а у нас бычок есть. У вас голубка, у нас – голубок». Гостей усаживают за стол и угощают. Затем юношу и девушку ставят рядом и спрашивают их согласия на брак. Если они согласны, и родители обеих сторон не возражают, то девушка разрезает принесенный *каравай* на четыре части: первый кусок дает матери жениха, второй – его отцу, а остальные два куска – своим родителям. Невесте надевают на палец кольцо. Родители договариваются о сроках свадьбы. Затем обе стороны выпивают принесённое вино.

Через неделю после сватовства, в четверг, родители невесты шли в дом родителей жениха «на порожки» (с. Аверьяновка), «на смотрины» (с. Красный Восход). С собой они несли подарки жениху. В этот день договаривались о дате свадьбы и о количестве приглашаемых на неё гостей.

В субботу сторона жениха отправлялась в дом невесты за приданным, которое в позднее советское время состояло из старинного сундука, шифоньера, буфета, трельяжа, металлической кровати, покрывала с кружевными оборками (с. Красный Восход), тёлочки и поросят (с. Калиновка), а сейчас – посуды, мебели и постельных принадлежностей.

Время от сватовства до свадьбы иногда растягивалось от нескольких месяцев до года. Обычно русские играют свадьбы в конце лета – начале осени. Раньше старались играть свадьбу на Красную горку – в первое воскресенье после Пасхи, что было залогом счастливой семейной жизни. У восточных славян этот день считался «девичьим праздником», во время которого происходили выбор женихами невест, сватовство и свадьбы [10, с. 223].

После завершения предсвадебных обрядов стороны начинают готовиться к свадьбе. В последние 30 лет на русской свадьбе присутствует от 50 до 150 гостей, а в советское время – до 50 человек (с. Александрия). Состоятельные родители сейчас приглашают на свадьбу до 300 гостей (с. Ново-Георгиевка). В с. Красный Восход и раньше, и теперь на свадьбе бывает от 150 до 200 гостей.

До начала 90-х гг. XX в. накануне свадьбы жених и невеста устраивали мальчишник и девичник. В с. Александрия сейчас в доме невесты устраивается только девичник – «вечорки».

На свадьбу жених облачается в тёмного цвета костюм с белой рубашкой и чёрными туфлями. Его сопровождает *дружка*, у которого в петлицу бывает вставлен цветок. Невеста надевает на голову сделанный из восковых искусственных цветов венок, к которому прикрепляется фата. Для неё покупается подвенечное платье, которое после свадьбы хранится в доме у молодых.

Утром в день свадьбы у ворот дома жениха собирается кортеж из престижных иномарок, а в советское время и в 90-е гг. XX в. невесту забирали на автомашине «Волга», которую украшали шарами и разноцветными лентами, а на её капоте прикрепляли куклу. До начала 90-х гг. XX в. в сс. Таловка и Ново-Георгиевка за невестой ездили на запряженных лошадьми бричках, на которые садилась сельская молодежь с гармонистом.

В с. Аверьяновка перед тем, как передать невесту подъехавшему со свитой жениху, её «хлебом-солью» и иконой благословляют родители. При этом она становится на колени на расстеленный на полу, вывернутый мехом наружу, тулуп, который у кавказских народов символизирует изобилие [11, с. 58–59].

В последние 20 лет по пути следования кортежа к месту свадьбы жених и невеста устраивают фотосессии. Например, в с. Калиновка молодые фотографируются на память в городском парке г. Кизляра, а также в с. Раздолье, на 17 разъезде с. Николаевка, где тоже имеется красивая роща с аллеями.

В с. Красный Восход, издавая громкие сигналы, кортеж с молодыми делает круг по г. Кизляру, а затем останавливается для фотосессии на городской площади у памятника Ленину, а также в парке у мемориала П.И. Багратиону и памятника генералу В.Я. Левашову.

После того как кортеж с молодыми прибывает к дому родителей жениха, перед его калиткой разводят костёр, через который должны были перепрыгнуть жених и невеста (с. Александрия) с целью их «ритуального очищения» [12, с. 336].

Молодых у ворот дома встречают родители жениха, держа на руках вышитый рушник с *караваем* («хлеб-соль») и икону. Затем их приглашают за свадебный стол. Когда молодые заходят под свадебный шатёр, их обсыпают хмелем, рисом, конфетами и монетами.

Раньше свадьбу обычно играли с четверга («день, посвященный *Перуну*» [13, с. 47, 221]) по воскресенье. В день свадьбы (с. Красный Восход) или на следующий день (с. Таловка) жених и невеста идут расписываться в ЗАГС. Венчаются молодые на второй день свадьбы (с. Калиновка), в субботу или воскресенье (с. Красный Восход). На венчании присутствуют молодые, их *дружки* и свидетели.

В с. Коктюбей в пятницу родители невесты, держа в руках *каравай* и икону, благословляли свою дочь для брака. В этот же день молодые отправлялись регистрировать свой брак в ЗАГС. Затем в доме жениха устраивалось застолье («на гарной»), во время которого «ломали курицу» (ели вареных кур), пили вино, заедая его ягодами калины («закусить калину») – «чтобы меньше было горечи в отношениях между молодыми» (калина – атрибут славянской богини любви, красоты и плодородия *Лады* [13, с. 66–67]). Ближе к полуночи молодые удалялись с торжества для первой брачной ночи. Утром с головы невесты снимали венок и надевали платок, что означало, что с этого дня она считается замужней женщиной.

В с. Аверьяновка в пятницу играли свадьбу в доме невесты, а в субботу – у жениха. На второй день свадьбы родители невесты и сваты шли в дом жениха «тёлочку искать». Здесь их ждали родственники, друзья жениха и ряженные («цыгане»), а также переодетые в мужчин женщины и наоборот. Родители жениха прятали невесту от её родителей. Те искали свою дочь в доме и во дворе. Найдя её, они спрашивали: «Хорошо ли с тобой в этом доме обращались?». Получив положительный ответ, обе стороны

усаживались за стол и угощались. Затем все шли к «тёще на блины». На свадьбе и у «тёщи на блинах» гости свадьбы кричали «Горько!» и, выпив за здоровье и счастье молодых, били фужеры о пол – «на счастье».

В воскресенье шли «на поклоны»: в доме жениха близкие родственники обеих сторон гуляли под звуки гармони (сс. Коктубей, Ново-Георгиевка). В этот день было принято «догуливать свадьбу до утра». Во дворе дома жениха разводили костёр из дров и сухого камыша, и гости свадьбы перепрыгивали через него. В завершение свадьбы «овин тушат»: костёр заливают водой (с. Коктубей).

В с. Красный Восход первый день свадьбу играли в доме жениха. Гости преподносили «дары» молодым – денежный подарок, посуду и постельное бельё. Затем за здоровье молодых произносили три обязательных тоста. Гости свадьбы под музыку магнитофона, гармони и баяна пели песни, частушки и танцевали.

После первой брачной ночи утром сваха, проверив постель молодых на предмет целомудрия невесты, спрашивала у жениха: «Твоя ли невеста или чужая? Привязывать ли красные ленточки гостям?» (с. Александрия), «Честная ли была невеста?» (с. Красный Восход). Если жених отвечал положительно, то после выхода молодой в парадную комнату, сваха разбивала о пол тарелку и тыкву. Затем невеста целовала свекровь, а та поздравляла её и надевала на неё передник, что означало, что с этого дня она является полноправной хозяйкой в доме (с. Александрия). В завершение обряда жених «ломал курицу»: отрывал от вареной курицы ножки и передавал их своей маме и тёще, а шейку и голову – отцу и тестю. Затем он благодарил родителей невесты за её целомудрие (с. Красный Восход).

На второй день свадьбы в сс. Таловка, Калиновка и Ново-Георгиевка ряженные – «медведи» шли «тёлочку искать» и «к тёще на блины». Ряженные изображали пьяных (с. Ново-Георгиевка). В этот же день сельская молодёжь крала и прятала жениха и невесту, а вместо них за свадебный стол сажали ряженных. За возвращение жениха и невесты на свадьбу молодёжь требовала у сватов и *дружки* выкуп – выпивку с закуской. После уплаты выкупа жених и невеста возвращались за стол, а ряженных оттуда выпроваживали (с. Ново-Георгиевка).

В с. Александрия на второй же день свадьбы родственники невесты шли в дом жениха. Их принимали и угощали. Затем ветку фруктового дерева (аналог «древа мирового» [14, с. 398–406]) наряжали лентами и прикрепляли к ней конфеты. С этой обряженной веткой шли через всё село к невестину дому, где веселье продолжалось. В разгар веселья один из присутствовавших на нём провозглашал: «Гусь в печку не лезет», что было намёком сбора денег на покупку «гуся»: все скидывались на приобретение дополнительной выпивки и закуски.

В с. Коктубей в этот день вечером шли к тёще на «первые блины», а на следующее утро – на «вторые блины». К «тёще на блины» жених шёл с красным яблоком («символ плодородия и вечной молодости» [15, с. 116]). В доме родителей невесты их принимали и угощали. За столы садилась только сторона жениха, а невестина – стояла. На стол подавались блины с мёдом, вино и чай. Отведав угощение, гости расходились.

В с. Александрия на третий день свадьбы принято «ложки полоскать»: обвязанные лентами деревянные ложки обмакивают в чарку с вином и затем пускают её по кругу. В с. Калиновка в этот день шли к «тёще на блины», в с. Коктубей – «за пирогами», в с. Таловка – «курей собирать», в с. Красный Восход – «курей ловить», в сс. Аверьяновка и Калиновка – «курей стрелять»: ряженные («цыгане») и сельская молодёжь, играя на гармони, бродили по селу и ловили кур. Пойманных в этот день кур (символы плодородия [16, с. 241]) резали, а на следующий день невеста варила из них суп с лапшой.

До 2016 г. в с. Ново-Георгиевка свадьбы играли под шатрами во дворах домов или в сельском клубе. Посуду для свадебного застолья собирали у соседей. Гостей сажали за деревянные столы и лавки. Над столом, за который усаживали жениха и невесту, сзади прикрепляли ковёр, на котором ватой выкладывали благопожелание: «Счастья молодым!» и два перекрещенных обручальных кольца.

Примечательно, что вплоть до 2000-х гг. на русских свадьбах Кизлярщины присутствовали ряженные – переодетые в мужчин женщины и наоборот (ритуальный *травестизм*), «медведь», «цыгане», «пьяные». Наиболее архаичными, на наш взгляд, являются первые два персонажа. Ритуальное ряжение женщин в мужчин и наоборот свойственно и горским народам Дагестана, например, даргинцам-цудахарцам [17, с. 15]. В мифах народов мира ритуальный *травестизм* символизирует «возврат к первоначальному хаосу. Ношение женских или материнских одежд символизирует возвращение в утробу» [18, с. 331]. Что же касается обрядового ряжения в почитаемого у славян «медведя»

[19, с. 128–130], то выбор этой маски связан с магией плодородия [20, с. 75; 21, с. 191]. Ряженных на свадьбе можно рассматривать как олицетворений почитаемых в прошлом животных и как жрецов культа плодородия [22, с. 252].

В последние 10–12 лет свадьбы на Кизлярщине проводят в банкетных залах, кафе и ресторанах г. Кизляра и с. Тарумовки. Если раньше свадьба длилась несколько дней, то теперь она проходит в течении полудня. С сокращением времени и этапов свадьбы она утратила свой прежний неповторимый колорит и безудержное веселье.

Для ведения свадьбы сейчас нанимают профессионального тамаду, а раньше им был отличавшийся красноречием близкий друг семьи. В сс. Аверьяновка и Красный Восход раньше тамадой был сват со стороны жениха, а сейчас – нанимаемый за плату (10 тыс. руб.) ведущий.

Музыкантов обычно приглашают из г. Кизляра или армянского сел. Карабаглы. В прежние времена они играли на многоголосном синтезаторе «Ионика», аккордеоне и барабане, а сейчас – только на электронных музыкальных инструментах.

До конца 90-х гг. XX в. на русских свадьбах под аккомпанемент аккордеона или баяна исполнялись ритуальные, заклинательные, величальные, корильные, игровые и лирические песни, а сейчас – популярны песни российских исполнителей. На свадьбах танцуют русские народные танцы, вальс, танго, лезгинку и шалахо.

Если женили последнего сына в семье и больше свадеб не ожидалось, то до начала 2000-х гг. во многих русских селениях Кизлярщины существовал обычай «забивать кол» (в с. Коктубей – «забивать клин», в с. Таловка – «забивать чоп») перед воротами дома. При забивании кола на него сверху лили воду или вино так, чтобы брызги летели на дом и на родителей. Делалось это для того, «чтобы брак был крепким», «чтоб возврата не было» (с. Аверьяновка), «чтоб семья была крепкой» (с. Коктубей), «чтоб молодые не разошлись» (с. Таловка), «чтоб куда пошёл, там и жил» (с. Красный Восход), «чтоб птенцы больше не вернулись в своё гнездо» (с. Ново-Георгиевка).

До начала 90-х гг. XX в. бытовал ещё обычай «вязать колодки»: женщины вязали колодками (две перевязанные красной лентой дощечки) холостых парней, а те откупались от них деньгами или выпивкой (сс. Таловка, Коктубей). В с. Александрия «колодки вяжут» на Масленицу: прикрепляют пласточком к одежде молодожёнов кусок дощечки, а те в ответ должны были «накрыть стол» – выставить выпивку и угощение.

У кубанских казаков «вязание колодок» было наказанием юношей и девушек, не вступивших в брак в течение прошедшего года [23, с. 173–174].

Бытование обычая публичного осуждения и высмеивания неженатых парней и незамужних девушек С.А. Токарев относил к эротическим обычаям и объяснял его заинтересованностью сельской общины в увеличении своей численности [24, с. 102].

Таким образом, изучение свадебной обрядности русских Кизлярщины показало, что она сочетает в себе элементы традиционных славянских и христианских ритуалов и новых обычаев. До внедрения в семейный и общественный быт «свадебной индустрии» сохранялись основные сроки, этапы, состав участников, набор блюд и напитков, музыкальное, песенное и танцевальное сопровождение традиционной русской свадьбы. На ней присутствовали ряженные. Особое внимание заслуживает встречающийся и у горских народов Дагестана ритуальный трансвестизм. В сопровождающих свадьбу обрядах и обычаях отчётливо прослеживается магия продуцирования.

Многочисленные сохранившиеся при сватовстве и во время свадьбы элементы противоборства семейных коллективов жениха и невесты являются реликтами древних форм брака, локальности поселения супругов.

Надевание после первой брачной ночи невестой передника или косынки демонстрирует (через атрибуты) смену статуса девушки, невесты и переход её в разряд замужней женщины и хозяйки.

Среди новых элементов русской свадьбы следует указать знакомство молодежи посредством гаджетов через социальные сети. Возрастание брачного возраста в сравнении с советским периодом связано с новыми жизненными установками, приоритетами и представлениями о качестве жизни у современной молодёжи. Произошла унификация состава приданного. Появился обычай устраивать фотосессии молодых по пути их следования в зал торжеств. В эпоху глобального разрушения институтов семьи и брака у русских Кизлярщины сохранность целомудрия невесты представляет важный атрибут их семейных ценностей.

Обряды, связанные с рождением ребёнка

Важное место в обрядах жизненного цикла русских Кизлярщины занимали родильные обряды. Здоровью готовящейся стать матерью женщины и её будущего ребёнка уделяли большое внимание. До родов для неё существовали определенные запреты. Например, беременной нельзя было появляться на кладбище из опасения, что «покойники могут навредить ей и у неё может случиться выкидыш и она станет бесплодной» (сс. Аверьяновка, Таловка). Ей нельзя было красить и стричь волосы – «ребёнок родится с родимыми пятнами и безволосым» (с. Аверьяновка), гладить (с. Красный Восход) или пинать кошку или собаку – «ребёнок родится с шерстью на теле» (с. Аверьяновка), красть нож и ножицы – «родится обрезанным» (с. Калиновка).

До родов и ещё год после них в воскресные дни и на церковные праздники беременной нельзя было вязать, шить и резать что-либо – «это может навредить ребёнку» (с. Коктюбей). Если она всё-таки шила, то должна была держать нитку в зубах, «чтобы не зашить память ребёнку» (с. Красный Восход).

Как и другие северокавказцы русские Дагестана желали рождения сына как продолжателя рода, носителя фамилии и помощника отцу.

По случаю выписки новорожденного и его матери из роддома устраивается торжество, которое называется «на копытки» (сс. Александрия, Аверьяновка) или «обмывать копытки» (сс. Красный Восход, Калиновка). На нём присутствуют близкие родственники, соседи и друзья семьи. Они дарят малышу подарки – деньги, игрушки, детскую одежду, ходунки, а коляску и кроватку ему должны подарить его бабушки.

Вскоре после выписки ребёнка из роддома его нарекают именем. Обряд имянаречения «является первым официальным этапом социализации ребенка – не только на уровне семьи, но и общества в целом» [25, с. 202].

В сс. Аверьяновка и Красный Восток ребенка нарекают именем спустя 40 дней после рождения, во время крещения в православных храмах г. Кизляра, сс. Брянск или Новый Бирюзьяк. В с. Александрия младенца крестят через 1–2 недели после его рождения в храмах с. Крайновка или г. Кизляра, а в с. Калиновка – в церкви с. Тарумовка.

В последние 10 лет новорожденным дают только христианские имена.

После рождения к ребенку 40 дней никого из посторонних не подпускают и никому его не показывают из боязни сглаза. Затем проводят «родины», на которые «посмотреть на ребёнка» приходят с подарками близкие родственники, крёстные и соседи.

Чтобы защитить ребёнка от сглаза к его вывернутой наизнанку одежде цепляют булавку, а на шею вешают православный крестик. Если ребёнок становился беспокойным и плаксивым, то считали, что его сглазили (с. Кардоновка) и для излечения младенца умывали крещённой водой (с. Калиновка), а его мама вытирала лицо малышу подолом своего платья (с. Красный Восход).

До того, как ребенку не исполнится один год, в зеркало его не показывают – «вовремя не будет говорить» (с. Коктюбей), «испугается и будет плаксивым» (с. Александрия), «будет беспокойным и плохо спать» (с. Красный Восход).

Если ребенок завёл привычку спать днём, а ночью бодрствовать, то его подносят к открытым дверям курятника или заносят в него и произносят следующие заклинания: «Куры, заберите сон дневной, дайте – ночной!» (с. Александрия), «Дню – день, ночи – ночь!» (с. Аверьяновка).

Особые обычаи были связаны с появлением и выпадением у ребёнка первых молочных зубов. Чтобы узнать, пробиваются ли у ребёнка первые молочные зубы, по его дёснам проводили и стучали ложкой. В сс. Александрия и Красный Восток эта процедура называлась «на зубок», а в с. Коктюбей – «ложкой цокать». При появлении у ребенка первого зуба его родители, бабушки и дедушки дарят ему серебряную ложку, «но можно было подарить и деревянную» (с. Коктюбей).

До конца 90-х гг. XX в. первый выпавший молочный зуб кидали за печку со словами: «Возьми плохой, дай мне костяной!» (с. Коктюбей). В некоторых селениях выпавший молочный зуб, стоя спиной к дому, перебрасывают через крышу (с. Красный Восток) или забрасывают на неё со словами: «Кидаю костяной, вырасти золотой!» (сс. Александрия, Кардоновка), «Мышка, на тебе зуб костяной, дай мне золотой!» (сс. Красный Восток, Калиновка), «Забери костяной, дай стальной!» (с. Таловка), «Мышка,

мышка, на тебе зуб, свари из него суп! Тебе – молочный, а нам дай костяной, прочный как дуб новый зуб!» (с. Аверьяновка).

С конца 90-х гг. XX в. выпавший молочный зуб не забрасывают за печку или на крышу, а кладут под подушку. Утром родители ребёнка дарят ему 500–1000 руб., якобы оставленные *Зубной феей*, которая компенсировала этой суммой забранный ею зуб.

Стрижка «утробных» волос у народов Дагестана входила в цикл обрядовых практик, которые обычно приурочивались к 40-му дню после рождения ребенка [26, с. 202].

В с. Александрия волосы во время крещения состригает местный православный батюшка. Прядь состриженных волос закатывают в воск и кидают в купель. В годовщину рождения ребёнка бреют наголо, а состриженные волосы, завернув в тряпицу, прячут под крышей – «чтоб карга [ворона] не свила из них себе гнездо».

В с. Калиновка утробные волосы сбривают на 40-й день после рождения младенца. Сбритые волосы вместе с пуповиной и биркой, которую привязывают ребёнку на руку в роддоме, хранят в шкатулке (с. Красный Восток).

В сс. Аверьяновка, Кардоновка, Коктубей и Таловка утробные волосы ребёнку стригут в годовщину рождения. Состриженные волосы вместе с биркой из роддома хранят в укромном месте дома. В с. Таловка состриженные утробные волосы вместе с пуповиной и венчальным платьем матери ребенка хранят в люльке под матрасом – «для того, чтобы он не страдал эпилепсией».

Утробные ногти ребенка не состригают ножницами, а его мать обгрызает их зубами. В противном случае он «может стать вором» [12, с. 330].

Когда малыш начинает делать первые шаги, для того чтобы облегчить этот процесс, крест-накрест меж его ног ножом (с. Александрия) или ножницами режут невидимые путы («разрезать пuto» [12, с. 330]), будто бы связывающие их. «Обряд «развязывания пут на ногах ребенка» был широко распространен на Северном Кавказе [27, с. 72].

До исполнения ребёнку одного года в некоторых сёлах (сс. Тарумовка, Таловка, Калиновка) принято ежемесячно справлять его дни рождения.

Итак, можно констатировать, что родильные обряды русских Кизлярщины так же носят синкретический характер и представляют собой синтез старых и новых обычаев. К архаичным ритуалам можно отнести связанную с охраной здоровья матери и ребёнка *табу*ацию и применение оберегов. Особого внимания заслуживают связанные с магией имени и первого раза традиционные обряды имянаречения, крещения, появления и выпадения первых молочных зубов, стрижки утробных волос и ногтей, первых шагов ребёнка, обычая ежемесячно праздновать дни его рождения. Влияние глобализации ощущается в появлении в современном фольклоре сказочного персонажа *Зубная фея*, присущего западноевропейским народам.

Похоронно-поминальные обряды и обычаи

Похоронный обряд славян включал в себя комплекс разнообразных действий: очищение усопшего, подготовку его к похоронам, сами похороны и поминовение. Он преследовали две цели – облегчить усопшему путь в мир мёртвых и помочь его близким преодолеть горечь утраты [28, с. 190, 192].

В соответствии со сложившейся у восточных славян культурой смерти, в которой «мир мёртвых понимался как параллельный миру живых» [29, с. 262], у дагестанских русских имелся целый ряд окказиональных примет, связанных с предстоящей кончиной человека и сопровождающих его болезнях. Многие из этих примет связаны со сновидениями [30, с. 196] и относятся к *онейромантии*.

В с. Александрия увидеть во сне живую рыбу было приметой скорой болезни, яйца – к неожиданному гостю, кровь – к визиту кровных родственников, покойника – к дождю. Если покойник во сне звал тебя или что-то просил – к смерти. Для того, чтобы плохой сон не сбылся, было принято никому его не рассказывать. При плохом сне рекомендовали утром, глядя в окно, произнести следующее заклинание: «Куда ночь, туда и сон», а также прочесть христианские молитвы.

В с. Таловка приметой смерти был сон, в котором умерший близкий родственник брал тебя за руку и уводил с собой.

В с. Калиновка приснившийся выпавший с кровью зуб был приметой смерти кровного родственника. Были и другие подобные приметы – зачесалась переносица, приснились грязная вода или голый человек – к покойнику. Плохой приметой считался сон, в котором покойник звал тебя идти с ним. Если во сне тебя кто-то звал, нельзя было откликаться.

В с. Красный Восток приснившиеся во сне мухи были к покойнику; выпавший болезненно с кровью передний зуб – к смерти близкого родственника, а просто выпавший зуб – умрёт кто-либо из знакомых; грязная вода – к сплетням о тебе; рыба – к беременности. Плохим предзнаменованием считалось, если во сне умерший родственник уводил тебя с собой. Нельзя было идти с ним и отзываться на его зов, а нужно было сказать ему во сне: «Уходи!».

Примечательно, что у многих народов мира запрещалось отзываться на имя, названное во сне покойником [31, с. 76].

Имелись и внешние признаки скорой смерти долго и тяжело болеющего человека – его внезапно заострившийся нос (с. Таловка), изменившийся на бледный цвет лица (с. Красный Восток), похолодание конечностей (с. Калиновка).

Были и приметы, связанные с кончиной человека. Если он умер с открытыми глазами, значит, «будут ещё смерти в этом доме». Для того, чтобы предотвратить это, глаза покойника закрывают и на них кладут монеты.

Сразу после смерти человека, в соответствии с широко распространенным у восточных славян обычаем [32, с. 112], в доме занавешивают зеркала («окна в потусторонний мир» [28, с. 191]) – «чтобы блуждающая между мирами отлетевшая душа не отразилась в них» [в этом случае в доме могут быть ещё смерти], а снимают эти покрывала с них на 40-й день после его кончины (с. Аверьяновка).

Существует представление, что душа умершего остаётся («витает») в доме 40 дней, а затем улетает на небеса. В комнате, в которой находится покойник, ставят стакан с водой («Существует представление, что душа пьет эту воду» [12, с. 344]) или с вином, поверх которого кладут кусок хлеба с солью. На 40-й день воду из стакана выливают (с. Александрия), а хлеб разламывают, крошат и кормят им птиц (с. Красный Восток).

Перед тем, как одеть покойника в погребальную одежду и уложить в гроб, его омывают. Мужчины омывают мужчин, а женщины – женщин. Воду, которой омывали покойника, выливают за туалет (с. Коктубей) или туда, куда не ступает нога человека, например, под старое (с. Красный Восток) дерево (с. Александрия) или под ступеньки деревянной лестницы на крыльце (с. Аверьяновка). Выливать эту воду на дорогу нельзя – «к смерти людей, которые наступят на неё» (с. Александрия). Омывшим дают новые полотенца, отрезки материи, головные платки и мыло. Их же приглашают на поминки на 9-й и 40-й дни.

Покойницу одевают в платье, нижнее бельё, чулки, платок, тапочки, а покойника – в сорочку, костюм, носки и фуражку, которую кладут в гроб у изголовья («Народ верит, что на том свете человек появляется в той самой одежде, в которой он скончался» [12, с. 344]). Постель, на которой лежал покойник, сжигают. Вещи умершего раздают родственникам, соседям и нуждающимся или отдают в церковь.

Интересно отметить, что в с. Брянск Кизлярского района до сих пор на похороны приглашают профессиональных плакальщиц («У русских обычным явлением были наемные плакальщицы» [12, с. 355]). За плачи (которые «основаны на предположении, будто покойник может слышать всё, что ему говорится» [12, с. 355]) по покойнику их одаривают поминальными пакетами с продуктами.

После того, как покойника уложат в гроб, ему «на голову кладут венчик – ленту со священными знаками» [28, с. 191], на шею надевают крестик («крест и пояс на покойнике строго обязательны» [12, с. 347]), а в руки дают иконку (её перед похоронами вытаскивают из гроба). Умершему подвязывают бинтами челюсть, а руки и ноги связывают веревкой. Перед тем, как гроб уложат в могилу, эти бинты и верёвки развязывают и кладут сбоку от тела покойного. Эти веревки будто бы обладают даром излечивать больные ноги, если ими перевязать конечности. Таким же даром якобы обладает и мыло, которым мыли покойника: им намазывают больные места на теле. Если кто-то испытывал страх перед покойниками, то для того, чтобы преодолеть его, ему советовали подойти к гробу и подержаться за ноги мертвеца.

Лежащего в гробу умершего накрывают церковным покрывалом или тюлем, а затем заколачивают крышкой. Перед тем, как накрыть гроб крышкой, родственники и близкие покойного прощаются

с ним («считается, что мертвец «всё слышит и всё видит» до тех пор, пока его не опустят в могилу» [29, с. 262]). Прощаясь с умершим, принято передавать приветы своим ранее умершим родственникам.

Покойника сразу же после смерти не хоронят: «он обязательно должен переночевать дома» (сс. Красный Восход, Калиновка). Если покойник был крещен, то его отпевают.

Русские хоронят своих покойников на третий день после смерти, а в последние годы – на второй и даже в тот же день, если человек скончался в жаркое время года (с. Красный Восход).

После того, как умершего в гробу выносят из дома на кладбище, в жилище обязательно моют полы – «чтобы в нём не было нового покойника».

Усопшего выносили из дома вперёд ногами, иногда даже не через дверь, а через окно, чтобы он не увидел дороги [28, с. 191]. Покойника в гробу сперва выносят из дома во двор, а затем уносят на кладбище через ворота, которые затем закрывают. Люди должны выйти со двора не из распахнутых ворот, а через калитку – «чтоб в доме не было нового покойника».

Покойника выносят в открытом гробу и всегда несут ногами вперед, чтобы он не видел дороги назад [12, с. 348]. Несут гроб и укладывают его в могилу при помощи специальных церковных полотенец. После похорон их разрезают на равные куски и раздают хоронившим (с. Таловка). В углу гроба под подушку или в ногах кладут монеты, «чтоб покойник на том свете выкупил себе землю». В гроб кладут и любимые покойником при жизни вещи и предметы [29, с. 262].

Хоронят покойников на христианском кладбище. В с. Таловка оно расположено недалеко от мусульманского кладбища. В сс. Аверьяновка и Красный Восход умерших хоронят на городском кладбище г. Кизляра.

У русских родственники гроб с покойником на кладбище не несут и в могилу его не закапывают. Это делают друзья и соседи умершего. Тех, кто закапывает могилу, можно узнать по перевязанным на левой руке носовым платкам. После похорон им дарят полотенца и мыло.

Гроб опускают в могилу, располагая тело ногами к востоку, «чтобы в день Страшного суда умерший восстал из гроба лицом к Господу» [28, с. 193].

Во время закапывания гроба присутствующие при этом не должны отходить от могилы, подходить к погребениям своих ранее умерших родственников и знакомых (с. Красный Восход).

У русских Кизлярщины поминки устраиваются сразу же после похорон («горячий помин»), а также на 9-й и 40-й дни, на полгода, годовщину (с. Кардоновка), на 3-й (сс. Красный Восток, Аверьяновка, Таловка, Калиновка), 6-й и 9-й год (с. Александрия). Считается, что частые поминки устраивают потому, что «нужно заботиться, чтобы души не умерли с голоду и, с другой стороны, чтобы они не мстили живым за то, что их не кормят» [33, с. 342].

«На похоронах и поминках принято подавать *кутью*» [12, с. 356] – земледельческую ритуальную еду [34, с. 80, 82], а также борщ, суп-лапшу с курятиной, тушеное мясо, жареную рыбу, отварную курицу, колбасную нарезку, картофельное пюре, пирожки с разными начинками, блины («они являются ритуальной едой на поминках» [12, с. 143]), компот и крутой кисель. Поминают покойника и выпивая алкоголь за упокой его души – «три положенных стакана» вина или водки, а четвертый – «за здоровье близких», хотя священники это не одобряют.

В последние годы во многих сёлах поминают в кафе. На поминках все блюда едят ложкой, «чтобы не сделать больно покойнику», «чтобы вилкой не тыкать в его тело».

Б.А. Рыбаков связывал поминки с культом предков [35, с. 120].

Как только на могиле осадет земля, в ногах покойника устанавливают временный деревянный или железный крест, а на годовщину – постоянный из камня.

Под трауром понимается форма внешнего выражения горя, вызванная утратой близкого человека [36, с. 732]. В с. Калиновка траур по умершему длится 1 год. Мужчины из числа родственников покойного в знак траура не бреются 40 дней. В сс. Александрия, Аверьяновка, Таловка и др. траур держат 40 дней, в течении которых мужчины не бреются, а женщины носят одежду чёрного цвета. Вдова при желании может повторно выйти замуж.

Таким образом, анализ похоронно-поминальной церемонии русских Кизлярщины показывает, что он так же носит синкретический характер: в ней доминируют христианские ритуалы при сохранении значительного пласта славянских архаических обрядов и поверий, и появившихся в последние десятилетия новых обычаев. К традиционной обрядности можно отнести связанные с *онейромантией* приметы и верования. Отзвуками погребального культа могут быть обычаи передавать приветы при

прощании с покойником ранее умершим и класть в гроб любимые им при жизни вещи и предметы. К новым можно отнести обычай поминать умершего в кафе.

Следует отметить, что современные семейно-бытовые обряды русских Кизлярщины не являются какими-то замкнутыми и обособленными феноменами. За исключением незначительных локальных особенностей обряды жизненного цикла русских Дагестана не выбиваются, а вполне вписываются в контекст культуры русских Северного Кавказа (например, русского населения Ставропольщины [37, с. 84–87], Чечни [38, с. 65–60]) и основного этнического массива (к примеру, русских Орловской [39, с. 7–18] и Владимирской [40] областей).

Локальные особенности и субкультурные элементы сформировались под влиянием местной равнинной (кумыки и ногайцы) и горской (аварцы, даргинцы и др.) этнической среды. На смешение русской и горской брачных традиций еще в начале XX в. обратил внимание Г.А. Ткачев, описывавший свадебный обряд гребенских казаков [41, с. 181].

Для Дагестана и Северного Кавказа характерно многовековое культурное взаимодействие и взаимовлияние горского, русского и казачьего населения, которое проявлялось в межнациональных браках, куначестве, *аталычестве*, заимствованиях в ведении хозяйства, материальной и духовной культуре. Процесс взаимообусловленного культурно-адаптивного взаимодействия русских и терского казачества с автохтонным населением региона являлся важным ресурсом межэтнической толерантности, синтеза различных культур, формирования единого северокавказского мира [42, с. 80].

Заключение

Несмотря на несущественные локальные различия в свадебной обрядности русского населения Кизлярщины, в целом до середины 2000-х гг. она сохраняла главные черты традиционной русской свадьбы основного этнического массива, что свидетельствует о важности брака и обрядов жизненного цикла в системе их ментальных ценностей, устойчивости межпоколенных связей и исторической памяти транслирующих в этнографическую действительность самобытную культуру русских Дагестана.

Наиболее существенные трансформации семейно-бытовой обрядности русских Кизлярщины произошли в 90-е гг. XX и в первые десятилетия 2000-х гг., что связано с глобальными и социокультурными процессами. В наибольшей степени подверглась изменениям русская свадьба, что связано с внедрением в 2000-е гг. свадебной индустрии, а в наименьшей – родильные и похоронные обряды, что объясняется тем, что в отличие от свадебного ритуала, в котором зачастую принимает участие всё село или большая его часть, обряды, связанные с рождением и взрослением ребёнка, а также похоронно-поминальный ритуал более камерные, консервативные, ограничены узким семейным кругом. Похоронный обряд так же семейное и общественное мероприятие, но в нём велико влияние христианской церкви и вероучения.

Традиционная семейно-бытовая обрядность русских Дагестана всё ещё существует в иноэтническом окружении и это вселяет определенную надежду на сохранение их этнической, национальной, культурной и религиозной идентичности в эпоху глобализации.

Равнинное и горское население этноконтактной зоны Кизлярщины оказало определенное влияние на обряды жизненного цикла терских казаков и дагестанских русских, образовав в их семейно-бытовой обрядности ряд локальных субкультурных элементов, отличающихся от брачно-семейных ритуалов русских основного этнического массива.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00208, <https://rscf.ru/project/23-28-00208/>.

Acknowledgements. This study was conducted with the financial support from the Russian Science Foundation, project No. 23-28-00208, <https://rscf.ru/project/23-28-00208/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983. – 277 с.
2. Мадюкова С.А. Обряды жизненного цикла: о социально-философском содержании концепта // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: «Философия». 2008. Т. 6. Вып. 3. С. 115–120.
3. Элиаде М. Священное и мирское / пер. с фр., предисл. и коммент. Н.К. Гравовского. М.: Изд-во МГУ, 1994. – 144 с.
4. Ризаханова М.Ш. Дагестанские русские. XIX – начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2001. – 190 с.
5. Лугев С.А., Мансуров М.Х. Русские // Народы Дагестана / Отв. ред. С.А. Арутюнов, А.И. Османов, Г.А. Сергеева. М.: Наука, 2002. С. 540–558.
6. Сефербеков Р.И., Сефербеков М.Р., Халидова О.Б. Современный брак и семейно-бытовые обряды русских горожан Дагестана: традиции и новации // Россия и современный мир. 2024. № 1 (122). С. 232–252.
7. Чижикова Л.Н. Этнические традиции в современной свадебной обрядности сельского населения этноконтактной зоны (на примере Белгородской области) // Советская этнография. 1980. № 2. С. 10–24.
8. Лобачёва Н.П. Свадебный обряд как историко-этнографический источник (на примере хорезмских узбеков) // Советская этнография. 1981. № 2. С. 36–50.
9. Тетакаева Л.М., Абдулаева Р.Н., Шахэмирова С.В., Алиев З.Г. Словарь фразеологических единиц с родственными гендерными номинациями в кумыкском, даргинском, лезгинском, аварском, русском и английском языках. Махачкала: Изд-во «Алеф», 2022. – 248 с.
10. Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крёстная сила. М.: ТЕРРА; «Книжная лавка – РТР», 1996. – 272 с.
11. Чурсин Г.Ф. Праздник «выхода плуга» у горских народов Дагестана // Оттиск из «Известий Кавказского историко-археологического института». Тифлис, 1927. Т. 5. С. 43–60.
12. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография / Пер. с нем. К.Д. Цивиной. М.: Наука, 1991. – 511 с.
13. Киреевский И.Р. Мифы древних славян: боги, духи, растения, животные. – Харьков: Книжный клуб, 2006. – 240 с.
14. Топоров В.Н. Древо мировое // Мифы народов мира: энциклопедия. В 2-х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: Рос. энциклопедия, 1994. Т. 1. С. 398–406.
15. Вовк О.В. Знаки и символы в истории цивилизаций. М.: «Вече», 2005. – 384 с.
16. Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.: Наука, 1969. – 338 с.
17. Омаров И.И., Сефербеков Р.И. Брак и свадебные обряды даргинцев-цудахарцев. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 1999. – 24 с.
18. Купер Дж. Энциклопедия символов. М.: Ассоциация Духовного Единения «Золотой Век», 1995. – 401 с.
19. Иванов В.В., Топоров В.Н. Медведь // Мифы народов мира: энциклопедия. В 2-х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: Рос. энциклопедия, 1994. Т. 2. С. 128–130.
20. Покровская Л.В. Земледельческая обрядность // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Исторические корни и развитие обычаев. М.: Наука, 1983. С. 67–90.
21. Токарев С.А. Маски и ряжение // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Исторические корни и развитие обычаев. М.: Наука, 1983. – С. 185–193.
22. Сефербеков Р.И. Пантеон языческих божеств народов Дагестана (типология, характеристика, персонификации). Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН; «Динэм», 2009. – 408 с.
23. Павленко Н.А. Обряд «вязания колодки», бытовавший в станицах Верхней Кубани (на примере ст. Кардоникской и Зеленчукской) // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Фольклор казачества как неотъемлемая

REFERENCES

1. Turner V. *Symbol and Ritual*. Moscow: Nauka, 1983. (In Russ)
2. Madyukova SA. Life cycle rites: on the socio-philosophical content of the concept. *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: "Philosophy"*. 2008; 6(3): 115–120. (In Russ)
3. Eliade M. *The Sacred and the Profane*, trans. from French, foreword and comm. N.K. Grabovsky. Moscow: MSU Publ., 1994. (In Russ)
4. Rizkhanova MSh. *Dagestan Russians. XIX – Early XX Century: Historical-Ethnographic Research*. Makhachkala: IHAЕ DSC RAS, 2001. (In Russ)
5. Lugev SA., Mansurov MKh. *Russians. In: Peoples of Dagestan*, ed. in chief: S.A. Arutyunov, A.I. Osmanov, G.A. Sergeeva. Moscow: Nauka, 2002: 540–558. (In Russ)
6. Seferbekov RI., Seferbekov MR., Khalidova OB. Modern marriage and family-household rites of Russian townspeople of Dagestan: traditions and innovations. *Russia and the Modern World*. 2024; 1(122): 232–252. (In Russ)
7. Chizhikova LN. Ethnic traditions in the modern wedding ceremony of the rural population of the ethno-contact zone (on the case of the Belgorod region). *Soviet Ethnography*. 1980; 2: 10–24. (In Russ)
8. Lobacheva NP. Wedding ceremony as a historical-ethnographic source (on the case of Khorezm Uzbeks). *Soviet Ethnography*. 1981; 2: 36–50. (In Russ)
9. Tetakaeva LM., Abdulaeva RN., Shakhemirova SV., Aliev ZG. *Dictionary of Phraseological Units with Kinship Gender Nominations in Kumyk, Dargin, Lezgin, Avar, Russian and English Languages*. Makhachkala: Alef, 2022. (In Russ)
10. Maksimov SV. *Unclean, Unknown and Godparent Force*. Moscow: TERRA; Bookstore – RTR, 1996. (In Russ)
11. Chursin GF. *The holiday of plow among the mountain peoples of Dagestan. Separate Reprint from "Proceedings of the Caucasian Historical-Archaeological Institute"*. Tiflis, 1927; 5: 43–60.
12. Zelanin DK. *East Slavic Ethnography*, trans. from Ger. by K.D. Tsvina. Moscow: Nauka, 1991. (In Russ)
13. Kireevsky IR. *Myths of the Ancient Slavs: Gods, Spirits, Plants, Animals*. Kharkov: Knizhnyi Klub, 2006. (In Russ)
14. Toporov VN. *World Tree. Myths of the Peoples of the World: Encyclopedia*. In 2 vols. Chief ed.: S.A. Tokarev. Moscow: Russian Encyclopedia, 1994; 1: 398–406. (In Russ)
15. Vovk OV. *Signs and Symbols in the History of Civilizations*. Moscow: Veche, 2005. (In Russ)
16. Snesarev GP. *Relics of Pre-Islamic Beliefs and Rituals among the Uzbeks of Khorezm*. Moscow: Nauka, 1969. (In Russ)
17. Omarov II., Seferbekov RI. *Marriage and Wedding Rites of the Dargins-Tsudakhars*. Makhachkala: IHAЕ DSC RAS, 1999.
18. Cooper J. *Encyclopedia of Symbols*. Moscow: Association of Spiritual Unity "Golden Age", 1995. (In Russ)
19. Ivanov VV., Toporov VN. *Bear. Myths of the Peoples of the World: Encyclopedia*. In 2 vols. Chief ed.: S.A. Tokarev. Moscow: Russian Encyclopedia, 1994; 2: 128–130. (In Russ)
20. Pokrovskaya LV. *Agricultural ritual. Calendar Customs and Rites in the Countries of Foreign Europe: Historical Roots and Development of Customs*. Moscow: Nauka, 1983: 67–90. (In Russ)
21. Tokarev SA. *Masks and mummery. Calendar Customs and Rites in the Countries of Foreign Europe: Historical Roots and Development of Customs*. Moscow: Nauka, 1983: 185–193. (In Russ)
22. Seferbekov RI. *Pantheon of Pagan Deities of the Peoples of Dagestan (Typology, Characteristics, Personifications)*. Makhachkala: IHAЕ DSC RAS; Diném, 2009. (In Russ)
23. Pavlenko NA. The rite of "tying the stocks", which existed in the villages of the Upper Kuban (on the case of Kardonskaya and Zelenchukskaya villages). *Proceedings of the All-Russian Scientific-Practical Conference "Folklore of the Cossacks as an Integral Part of the North Caucasian Ethno-Cultural Space"*,

часть северокавказского этнокультурного пространства», посвященной 275-летию города Кизляра. (г. Кизляр, 24–25 сентября 2010 г.). – Махачкала: Дагестанский государственный университет – филиал в г. Кизляре, 2010. С. 172–174.

24. Токарев С.А. Эротические обычаи // Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы: Исторические корни и развитие обычаев. М.: Наука, 1983. С. 98–105.

25. Мусаева М.К. Мужчины и «мужской» компонент в традиционных родильных практиках народов Дагестана // Лавровский сборник. Материалы XXXVIII и XXXIX Среднеазиатско-Кавказских чтений 2014–2015 гг. Этнология, история, археология, культурология. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 198–203.

26. Мусаева М.К. Этнография детства народов Дагестана (Традиции народов Равнинного и Южного Дагестана). Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2007. – 252 с.

27. Смирнова Я.С. Семья и семейный быт у народов Северного Кавказа. Вторая половина XIX – XX в. М.: Наука, 1983. – 264 с.

28. Капица Ф.С. Славянские традиционные верования, праздники и ритуалы: Справочник. 3-е изд. М.: Флинта: Наука, 2001. – 216 с.

29. Энциклопедия суеверий / Сост. Э. и М.А. Рэдфорд, Е. Миненок. М.: Миф; Локид, 1995. – 560 с.

30. Токарев С.А. Сновидения // Религиозные верования: Свод этнографических понятий и терминов. М.: Наука, 1993. Вып. 5. С. 196.

31. Березкин Ю.Е. Происхождение смерти – древнейший миф // Этнографическое обозрение. 2007. № 1. С. 70–89.

32. Толстая С.М. Зеркало в традиционных славянских верованиях и обрядах // Славянский и балканский фольклор: Верования, текст, ритуал. М.: Наука, 1994. С. 111–129.

33. Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии (исследования, статьи, лекции). Л.: Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР, 1936. – 603 с.

34. Чичеров В.И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI–XIX вв. (Очерки по истории народных верований). М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 237 с.

35. Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. М.: Наука, 1987. – 782 с.

36. Штернберг Л. Я. Траур // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1901. Т. 33. С. 732–735.

37. Бойко И.В. Свадебный обряд северо-восточных районов Ставрополя в рассказах носителей региональной традиции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 2 (68): в 2-х ч. Ч. 2. С. 84–87.

38. Матвеев О.В., Зудин А.И., Воронин В.В. Русские Чечни (по материалам экспедиций 2018 г.). Ростов-на-Дону: Академия наук Чеченской Республики; Печатная лавка, 2018. – 136 с.

39. Домаренко Е.В. Трансформация русского свадебного обряда в контексте современных социально-культурных практик // Образование и культурное пространство. 2020. № 2. С. 7–18.

40. Соколова А.Д. Трансформации похоронной обрядности у русских в XX – XXI вв. (на материалах Владимирской области): Дис. кандидата ист. наук. М.: ИЭА РАН, 2013. – 303 с.

41. Ткачев Г.А. Станица Червленая: Исторический очерк. Владикавказ: Тип. Терского Обл. Правления, 1912. – 244 с.

42. Иноземцева Е.И. Культурное и хозяйственно-экономическое наследие терского казачества как ресурс межэтнической толерантности на Северо-Восточном Кавказе // Материалы региональной научной конференции «Фольклор в семейной и общинной жизни нижнетерского казачества». Махачкала: «Радуга», 2017. С. 71–82.

Dedicated to the 275th Anniversary of the City of Kizlyar. Makhachkala: DSU – Kizlyar branch, 2010: 172–174. (In Russ)

24. Tokarev SA. *Erotic customs. Calendar Customs and Rites in the Countries of Foreign Europe: Historical Roots and Development of Customs.* Moscow: Nauka, 1983: 98–105. (In Russ)

25. Musaeva MK. Men and the “male” component in the traditional childbirth practices of the peoples of Dagestan. *Lavrovsky Collection. Proceedings of the XXXVIII and XXXIX Central Asian-Caucasian Readings 2014–2015. Ethnology, History, Archaeology, Cultural Studies.* Saint Petersburg: MAE RAS, 2015: 198–203. (In Russ)

26. Musaeva MK. *Ethnography of Childhood of the Peoples of Dagestan (Traditions of the Peoples of the Plain and Southern Dagestan).* Makhachkala: IHAE DSC RAS, 2007. (In Russ)

27. Smirnova YaS. *Family and Family Life of the Peoples of the North Caucasus. Second Half of the XIX – XX Centuries.* Moscow: Nauka, 1983. (In Russ)

28. Kapitsa FS. *Slavic Traditional Beliefs, Holidays and Rituals: Handbook.* 3rd ed. Moscow: Flinta; Nauka, 2001. (In Russ)

29. *Encyclopedia of Superstitions, comp. E. and M.A. Radford, E. Minenok.* Moscow: Myth; Lokid, 1995. (In Russ)

30. Tokarev SA. *Dreams. Religious Beliefs: Collection of Ethnographic Concepts and Terms.* Moscow: Nauka, 1993; 5: 196. (In Russ)

31. Berezkin YuE. The Origin of Death – the Ancient Myth. *Ethnographic Review.* 2007; 1: 70–89. (In Russ)

32. Tolstaya SM. Mirror in Traditional Slavic Beliefs and Rites. *Slavic and Balkan Folklore: Beliefs, Text, Ritual.* Moscow: Nauka, 1994: 111–129. (In Russ)

33. Shternberg LYa. *Primitive Religion in the Light of Ethnography (Studies, Articles, Lectures).* Leningrad: Publishing House of the Institute of the Peoples of the North of the CEC of the USSR, 1936. (In Russ)

34. Chicherov VI. *Winter Period of the Russian Agricultural Calendar of the XVI–XIX Centuries (Essays on the History of Folk Beliefs).* Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1957. (In Russ)

35. Rybakov BA. *Paganism of Ancient Rus’.* Moscow: Nauka, 1987. (In Russ)

36. Shternberg L.Ya. Mourning. *Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron:* in 86 vols. (82 vols. and 4 suppl.). Saint Petersburg, 1901; 33: 732–735. (In Russ)

37. Boiko IV. Wedding rite of the north-eastern districts of Stavropol in the stories of bearers of the regional tradition. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice.* Tambov: Gramota, 2017; 2(68): 84–87. (In Russ)

38. Matveev OV., Zudin AI., Voronin VV. *Russians of Chechnya (Based on Materials of Expeditions of 2018).* Rostov-on-Don: Academy of Sciences of the Chechen Republic; Printing Shop, 2018. (In Russ)

39. Domarenko EV. Transformation of the Russian wedding rite in the context of modern socio-cultural practices. *Education and Cultural Space.* 2020; 2: 7–18. (In Russ)

40. Sokolova AD. *Transformations of funeral rites among Russians in the XX–XXI centuries (based on materials from the Vladimir region): Diss. cand. hist. sci.* Moscow: IEA RAS, 2013. (In Russ)

41. Tkachev GA. *Stanytsa Chervlennaya: Historical Essay.* Vladikavkaz: Typography of the Terek Provincial Administration, 1912. (In Russ)

42. Inozemtseva EI. Cultural and economic-economic heritage of the Terek Cossacks as a resource of interethnic tolerance in the North-East Caucasus. *Proceedings of the Regional Scientific Conference “Folklore in Family and Community Life of the Lower Terek Cossacks”.* Makhachkala: Raduga, 2017: 71–82. (In Russ)

Поступила в редакцию 09.12.2024

Принята в печать 03.03.2025

Опубликована 15.12.2025

Recieved 09.12.2024

Accepted 03.03.2025

Published 15.12.2025